

Где кончается мир

Автор:

Джеральдин Маккорин

Где кончается мир

Джеральдин Маккорин

Лучшее фэнтези для детей

Северные Шетландские острова, люди здесь живут своей собственной замкнутой жизнью. Каждое лето Куилла и других подростков отправляют на маленький остров в открытом море – Стак – для охоты на морских птиц, чтобы потом, загруженными богатой добычей, забрать их назад. Но в этот раз за ними никто не приехал.

Конечно, ничем, кроме как концом света, не объяснить, почему их бросили – холодными, голодными и цепляющимися за жизнь в тисках смертоносного океана. Как они выживут?

Джеральдин Маккорин

Где кончается мир

WHERE THE WORLD ENDS

© Geraldine McCaughrean, 2017

© Е. Зиганшина, перевод, 2021

* * *

Алисе и Энди, которые познакомили меня с Килдой

Отплытие

Мать дала ему жареного тупика – перекусить в дороге – и новую пару носков, а потом поцеловала в щёку.

– Господь сбережёт тебя, Куиллиам, но чистым он тебя не сделает. За этим ты должен следить сам.

К счастью, обнять его она не пыталась.

Он пожал руку отцу, который довольно дружелюбно заметил:

– Пол надо выравнивать. Подсобишь мне, когда вернёшься.

Затем Куилл отправился к лодке. Его родители, конечно, пошли следом, но с прощаниями уже было покончено. Он вернётся через неделю, самое большее – через три. Они всего лишь собирались на один из скалистых островов – Стаков – собрать летние богатства: птичье мясо, яйца, перья, масло...

Стоял августовский день, яркий, как остро наточенное лезвие; от слепящего солнца море казалось чёрным. Нет, не было никаких знамений, предупреждающих о грядущих бедах. Такое люди с Хирты подмечают. Небеса не разверзлись, пролившись кровавым дождём: уж это кто-нибудь да запомнил бы. Ни на чью крышу не уселась никакая зловещая птица. Мимо пролетела чайка и капнула на мистера Кейна – но в этом не было ничего из ряда вон выходящего. (Да и кто не сделал бы так же, если бы мог?) Но никаких знаков, никаких жутких предвестий.

Все мужчины и женщины Хирты помогли спустить лодку на воду. Трое мужчин и девять мальчишек забрались в неё, и несколько человек на берегу подняли руки: не помахать, а скорее проверить, не сменил ли коварный ветер направление. Куилл не знал, стоит ли там, среды толпы, девица с большой земли – не стал смотреть. Если бы мальчишки в лодке заметили, что он смотрит – засмеяли бы. Так что он не стал. Ну разве что краешком глаза взглянул. Разок-другой.

Отцы и дядьки, жёны и тётки оттолкнули их от берега. И нет, киль лодки не застрял в гальке. Черви-пескожилы не выбрались из своих нор, чтобы затащить их обратно на берег. Ничего необычного не завопило им в лица: «Не плывите! Оставайтесь дома!» Выход на воду прошёл гладко.

А может, если недобрые знамения и были, Куиллиам проглядел их, пытаясь последний разок взглянуть на Мурдину.

Путь до больших Стаков может занять целую вечность, даже с парусом. Стак Воина так велик, что кажется, будто до него недалеко, но прежде чем туда доберёшься, придётся пересечь четыре мили открытой воды – воды, превращающейся в холмы и доли и удваивающей расстояние. Это было первое плавание маленького Дейви, и Куилл видел, как у него начинает разыгрываться морская болезнь, а равно и страх. Однажды, если годы ожесточат его, Куилл, возможно, захочет поднять новичка на смех и ткнуть его локтем в грудь – как делал сейчас задира Кеннет. Но Куилл слишком хорошо помнил собственное первое плавание – как он ждал, что они опрокинутся, каждый раз, когда лодку подбрасывало на волнах вверх, и что их утянет на дно – когда лодку опускало вниз. Он помнил волны, вздымавшиеся выше планширей, и морские брызги, от которых вымок насквозь. Он помнил, как тревожился, что не сможет выбраться на берег, не выставив себя на посмешище, и что потом ему день за днём

придётся доказывать, что он может ловить птицу так же ловко, как остальные, и что там не будет кровати, на которой можно поспать, и матери, которая утешила бы перед сном... Бедный маленький Дейви: не самый крупный птенчик в гнезде. И благослови его Господь, подумал Куилл, глянь-ка, носки уже на нём, вместо башмаков. Уже готов лазать.

Дейви казался слишком зелёным – во всех смыслах этого слова – чтобы дать отпор задире Кеннету. Однако потом его вырвало – прямо Кеннету на колени. Изощрённая месть, с одобрением подумал Куилл.

Они миновали Стак Ли и впервые увидели место, где им предстояло прожить следующие несколько недель. Джон начал постукивать ногами по доскам, остальные к нему присоединились, пока мистер Кейн, отъявленный брюзга, не велел им прекратить шум, «а то подымете всех потонувших моряков со дна морского». Стук стих, и Куилл заметил, что младшие мальчишки суеверно косятся на море, будто утонувшие моряки и впрямь могли восстать со дна.

Стак Воина становится тем больше, чем ближе к нему подплываешь. Можно было поклясться, что он словно вырастал из моря – покрытый морскими желудями каменный кит, всей своей громадой вздымающийся в небо, намереваясь поглотить Луну. На расположенном неподалёку Боререе виднеются крупные клочки зелёной травы, но Стак Воина настолько велик и тёмнен, что всем птицам небесным со дня Сотворения мира оказалось не под силу его выпачкать. Он возвышается над океаном, чёрный и жуткий, как рог самого Дьявола. И кишмя кишит птицами.

Чтобы добраться до места причала, рулевой должен обогнуть основание морского Стака, проведя лодку прямо под выдающимся вперёд уступом, называемым «Навес», с которого непрерывной моросью капает птичий помёт. В лодке стало тихо – все мужчины и мальчишки, за исключением Кеннета, крепко стиснули губы.

– Смотри, смотри, что это там наверху, Дейви! – сказал Кеннет, взволнованно тыча пальцем, но Дейви хватило ума не попасться на удочку. Никто не смотрит вверх, проплывая под Навесом. Так что подарочек прилетел только Кеннету.

Для Куиллиама, однако, Навес был не худшей частью пути. Хуже всего была высадка. Море в том месте вздымается и плещет на неровный и наклонный

каменный выступ – причал. Лучше и не пытаться выбраться на берег, если только не дует северо-восточный ветер.

Дома старики говорили о Стаках так, будто это просто кладовые, доверху набитые птицей, которую Господь поместил туда специально, чтобы люди с Хирты ею кормились. Но неужто им не было страшно? В молодые годы? Когда они отправлялись на Воина ловить птиц? Неужто они никогда не боялись спрыгивать с лодки на утёс? Нос лодки поднимается и опускается так быстро, что скала так и мельтешит перед глазами, брызги летят прямо в лицо, ослепляя, а ещё можно случайно наступить на водоросли, скользкие как мыло – тогда не сможешь устоять и полетишь в воду, между лодкой и скалами. Хотя, может, Куилл, как Дейви, был просто трусишкой.

Мистер Дон, босиком, обвязав вокруг тела верёвку, чтобы его втащили обратно на борт, если упадёт, а вокруг запястья причальный канат, нетвёрдо балансировал на носу лодки, готовясь прыгать. Стак возвышался над ними, напоминая неприступную стену замка. И всё же Донал Дон шагнул на берег так, что казалось, будто это проще простого. Птицеловы в лодке выстроились в линию: сперва мистер Фаррисс и мистер Кейн, потом Мурдо, Куиллиам, Кеннет и далее по росту: Калум, Лаклан, Джон, Юан, Найлл и Дейви. Им нужно было не только выбраться на берег самим, но и забрать из лодки мешки, сети, мотки верёвки и фитиля, корзины, дубинки и потрёпанное седло...

В запястье Куилла вцепилась холодная ручонка.

– Вернись в очередь, – прошипел он, но Дейви не отпускал его и ничего не говорил, просто переводил взгляд с Куилла на утёс, с Куилла на вздымающиеся волны и тряс головой. Куилл выбросил недоеденного тупика за борт и обвязался верёвкой, а когда пришла его очередь, схватил паренька за руку – так крепко, что Дейви пискнул – и прыгнул на берег с ним вместе. Мгновение спустя причал омыла громадная сверкающая волна, но Куилл уже успел отскочить оттуда подальше.

– Видишь, как просто? ...Только в следующий раз пошевеливай ногами! – крикнул он, а Дейви пополз по скале вверх – новые носки насквозь мокрые и шлёпают, как утиные лапы. Куилла их вид насмешил.

Оглянувшись на лодку, он увидел всё ещё ждущих своей очереди мальчишек – левые руки стиснуты до белизны и вцепляются в котомки, правые просто стиснуты, зубы сжаты, каждый надеется выбраться на берег, не уронив достоинства и не переломав костей. Может, все они отчасти были трусишками.

Куилла обогнул взобравшийся на берег Лаклан – ловкий, несмотря на полные руки мешков и обвязанную вокруг тела громоздкую верёвку. Он был весь потрёпанный, как линяющая овца, и в два раза радостнее, чем когда-либо бывал дома, на Хирте. Можно было подумать, что на Стаке ему нравится больше, чем в деревне. Почему это, подумал Куилл, если один неверный шаг – и это место тебя убьёт?

Однако едва только эта мысль пришла ему в голову, у него появилось внезапное суеверное ощущение, что не нужно думать о Стаке плохо. Стак не желал никому ничего дурного. Он же не живое существо – просто кусок камня в огромном холодном океане на краю мира.

Когда птицеловы добрались до Нижней Хижины, они встали, обсыхая на ветру, как бакланы, и стали наблюдать, как лодка уплывает прочь – домой. Калум помахал: лодкой правил его отец. Лаклан радостно взвизгнул. Дейви прикусил губу. Теперь им никак не вернуться, пока отец Калума не приплывёт забрать их.

– Скоро вернёмся, – сказал Куилл Дейви, вспоминая, как море впервые разлучило с матерью его самого.

Никто не хотел входить в пещеру первым. Кто знает, что мёртвого там может найтись или – того хуже – живого? Из-за близости к воде внутрь то и дело пробирались крабы и умирающие птицы. Название «Хижина» делало пещеру гостеприимнее, будто это была лачуга или домик, но на самом деле она представляла собой лишь тёмный промозглый разлом в гигантской каменной стене. Только двенадцать человек, гора птицеловных сетей, котелок, шесть длинных верёвок, старое седло, корзины для яиц, котомки да башмаки. Уютно. Через пару дней они поднимутся выше по Стаку, но пока что здесь можно свалить всё барахло и отправиться на Навес ловить бесчисленных олуш. Так какая разница, что в пещере сыро и воняет? Большую часть времени они всё равно будут проводить на воздухе, пожиная плоды богатого птичьего царства.

И каждый раз, когда паренёк отправлялся на Стаки, он возвращался домой чуть меньше мальчишкой и чуть больше мужчиной.

Если, конечно, вообще возвращался.

Король Олуша

– Кто хочет убить Короля? – спросил мистер Фаррисс.

Это ознаменовало начало их трудов. Никаких больше бытовых забот, уборки камешков, костей и водорослей с места их ночлега. Сегодня они птицеловы, а цель их – олуши.

– Кто хочет быть Королём?

Все мальчишки, кроме Дейви, подняли руки. Честь была огромна.

– Куиллиам, годы наверняка умудрили тебя, – сказал мистер Фаррисс.

Сердце Куилла раздулось в груди от радости... и тут же съёжилось обратно, когда Мурдо заметил:

– Я старше!

Мистер Фаррисс оглядел друзей. После того, как преподобный Букан устроил на Хирте библиотеку, Фаррисс был первым, кто ею воспользовался. Теперь он считался на острове почти что учителем и подкармливал крошками книжных знаний местных девчонок и мальчишек – когда они не были заняты вскапыванием наделов или лазанием по скалам. Вероятно, у него имелись любимчики, но даже если так, он никогда этого не показывал. До скрупулёзного справедливый человек.

– Будет тот из вас, кто ростом меньше, – решил он.

Поскольку в Хижине было невозможно встать в полный рост, друзья вышли, чтобы померяться ростом. Однако снаружи это оказалось не легче – скалистый уступ был неровный. Они встали нос к носу. На пронизывающем ветру из обоих носов текло.

– Не больно-то и хотелось, – сказал Мурдо, пожав плечами. – Давай ты.

Но глянув вниз, Куилл увидел, что Мурдо согнул колени, пытаясь сделаться ниже.

– Мне тоже. Ты давай.

– Я?

– Да.

Дружбу они уважили, но к решению так и не пришли. Так что Мурдо подобрал камешек, спрятал его за спиной в одной из рук, а потом вытянул кулаки вперёд:

– Раз-два-три, из какой возьмёшь руки?

И Куилл выбрал кулак с камешком.

Его пронзило радостью и страхом одновременно: радостью, потому что теперь он сможет сказать родителям, невзначай так, через пару дней после возвращения: «Я говорил? На Стаке я был Королём Олушей» и страхом – а вдруг он не справится?

Колония олуш – шумная, колышущаяся масса перьев, яичной скорлупы, помёта и самих птиц. В основном она устраивается на узких уступах отвесных скал. Но почти у самого основания Стака Воина выпирает вперёд Навес, напоминающий брюхо толстяка. Поверхность у него пологая – идеально для гнездовья. Осмотрительные старики ходят по спинам своих соседей, довольные парочки сидят бок о бок, глядя на море, возвращающиеся с охоты добычки с зобами, полными рыбы, приземляются на своих товарищей.

Хорошее место, чтобы начать жатву.

Однако над любой такой колонией сидит птица-дозорный: Король Олуша. Выступ, на котором он устраивается, это его сторожевая башня; он охраняет раскинувшуюся внизу колонию. При первом признаке опасности – черноспинные чайки, орлы, птицеловы – Король Олуша поднимает тревогу, и в небо с воплями и шумом поднимается целая буря птиц. Разделайся с Королём Олушей – и ходи среди клювов и хлопающих крыльев свободно, собирай урожай птичьего мяса.

А к тому, кто убивает первую птицу-дозорного, переходит её титул, и он становится Королём Олушей на всё оставшееся до возвращения домой время.

Вся команда подползла так близко, как только можно было, не потревожив стаю. Первым птицу-дозорного заметил мистер Дон – она устроилась на крутой чёрной скале, отвесно вздымавшейся за Навесом. Троном Королю Олуше служил каменный перст, выступающий вверх из широкого уступа. Куилл сменил башмаки на носки для лазания – тёплые, колючие и с толстой подошвой, но не настолько толстой, чтобы он не мог чувствовать ступнями камни. Он снял отцовскую куртку – она была ему великовата, рукава скрывали кончики пальцев и могли захлопать на ветру – и передал Мурдо. Потом начал карабкаться по скале вверх.

Сначала он лез так, чтобы впечатлить своими умениями оставшихся внизу мальчишек. Но в подъёме по любой скале наступает момент, когда одна ошибка уже перестаёт грозить простым шлепком о землю и смехом товарищей и начинает – переломанными костями, сломанным черепом и постелью на кладбище. Так что вскоре Куилл рассчитывал каждое своё движение, замирая, когда поднимался ветер, отдыхая, когда икры ног сводило. Он подбирался к Королю Олуше по диагонали. Чтобы застать его врасплох, Куиллу придётся проползти по скале совершенно незамеченным.

В какой-то момент, нащупывая рукой опору, он положил ладонь на брошенное чайачье яйцо, и его тухлое содержимое взорвалось, забрызгав ему волосы и испачкав рукав.

– Я до тебя доберусь Твоё Величество, – прошептал Куилл и, чтобы выбросить из головы, что волосы у него унижительно измазаны яйцом, вообразил себя Одиссеем, выбирающимся из деревянного коня, чтобы захватить Трои.

Эту историю ему рассказала Мурдина – историю из другого, далёкого времени и места. Куилл едва понимал, что она толкует о городских стенах, сандалиях, греках и троянцах: это была часть её мира большой земли, образованного мира. Но история понравилась ему именно потому, что, как и Мурдина, она была странной и волнительной. Мурдине, несмотря на то, что приехала она ненадолго, было искренне интересно узнать побольше о Хирте, её людях, обычаях и жизненном укладе. Она восхищалась храбростью птицеловов – быстро поняла, насколько это опасно – и говорила, что тот, кто лезет в самую гущу беспощадных клювов и громадных костлявых крыльев, должен быть настоящим смельчаком... Наверное, вернувшись домой, он сможет рассказать ей, что взял птичью Трою. Что она ответит? Какое выражение будет на её лице?

Но когда Куилл был только на середине пути, Король Олуша издал крик и встал во весь рост, расправив хлопающие крылья – словно дирижировал хаосом. Пять тысяч птиц взвились в небо. Куилл же не?.. Он же не сделал ничего, чтобы?.. Грозовая туча поднимающихся вверх птиц осыпала его каплями. Он совершенно замер, хотя, казалось, уже ничего нельзя было исправить. Птица-дозорный покачнулась, подпрыгнула и взмыла вверх, вопя «Чужак!».

Из расщелины в скале рядом с головой Куилла внезапно вылетела стайка тупиков – будто маленькие огненные шары в него швырнули. Но Куиллиам не шелохнулся. Ни один его мускул не дрогнул, он просто крепче вцепился в утёс – во многом потому, что не знал, что делать. Он опустил лицо, защищаясь от клювов тупиков... и увидел, что потревожило Короля Олушу.

Через колонию вразвалку шагала огромная чёрная птица с белой грудью. Даже по сравнению с крупными крыльями олуш она казалась громадной. Её крючковатый тяжёлый клюв будто бы лишал её равновесия, потому что она то и дело задевала коротенькими крылышками камень, гнездо или олушу, чтобы не упасть. Когда птица посмотрела на Куилла – а казалось, что она действительно смотрит прямо на него – большие белые круги вокруг её глаз напомнили ему маску.

Бескрылая гагарка. Наверное, по ошибке приплыла в чужую колонию и забрела на территорию олуш, ища своих. Не умея летать, она не могла выбраться отсюда быстро, только расчищать себе путь массивным клювом и телом. Куиллиам с восторгом наблюдал, как величественная «морская ведьма» потешно расхаживает по берегу: вот она стоит по пояс в олушах, а через минуту все

олуши взмывают ввысь, и она остаётся одна, покинутая и растерянная. (На берегу бескрылые гагарки предпочитают жить бок о бок друг с другом: одиночество им чуждо. В их языке нет слова, означающего «одна гагарка».)

Вот из-за неё-то и поднялась паника. Это она виновата, а не Куилл. Как только она кое-как уберётся отсюда на своих больших перепончатых лапах, олуши перестанут кружить в небесах и снова усядутся на камни.

Куиллиам воспользовался возможностью, пока птица-дозорный улетела со своего насеста, и добрался до уступа, распростёршегося позади каменного перста. Он продвигался по скале вперёд – начал даже взбираться к острой вершине – но, заслышав хлопанье огромных крыльев над головой, застыл, как каменное изваяние. Он ждал терпеливо, хотя пальцы уже онемели, а вокруг измазанных яйцом рук и волос кружили летние мухи. Олуши описали в небе круг, а потом опустились вниз – целая сотня разом. Король Олуша стоял, вытянувшись в струнку и размахивая крыльями – хлопотливый и важный. Потом он устроился на своём троне, нахохлившись, и уставился сверху вниз на возвращающийся на насесты птичий сонм.

Из-за подъёма – судорожного цепляния за камни кончиками пальцев – руки у Куилла тряслись. Он шевелил пальцами, пока судороги не прекратились. Потом нащупал ногой довольно широкую опору и бросился вверх, оказавшись с Королём наравне. В тот же миг он схватил его за крылья и завёл их ему за спину, а потом высвободил одну руку, чтобы свернуть Королю шею. Быстрое движение. Тихая смерть. Олуши внизу ничего не заметили.

* * *

– Ловко. Ловко, – лаконично сказал Калум после.

Дейви хотел пожать Куиллу руку. Все остальные мальчишки знали, что могли бы справиться так же хорошо, выпави им такой шанс.

Мистер Фаррисс заметил со своей обычной кривоватой улыбочкой:

– Король умер: да здравствует Король, – и пожаловал Куиллу титул «Король Олуша» на всё то время, что они пробудут на Стаке.

Мистер Кейн кисло сказал:

– Господь низвергает гордых и сокрушает сильных. Подумай об этом, малец.

Потом они приступили к делу – убивали олуш, защищались от клювов, были биты крыльями. Но когда Куилл стал искать Мурдо, чтобы забрать свою куртку, оказалось, что друга отправили на другое задание – ловить глупышей. Так что среди олуш ему пришлось расхаживать в одной тоненькой рубашке. Это едва ли его заботило. Он чувствовал себя неуязвимым, согретый лучами тёплого солнца и знанием того, что он король.

* * *

Вечером они разожгли костёр из кучи пойманных Мурдо глупышей. Глупыши горят лучше, чем дерево, – птицы они маслянистые. Потом и мужчины, и мальчишки занялись тем, что вырезали из мёртвых олуш желудки – они будут служить бутылками для масла глупышей, которое птицеловы увезут домой. Стак полон богатств – того, что Владыка продаст горожанам, у которых (и вообразить такое трудно) совсем нет птиц, чтобы поесть и согреться, так что им приходится покупать перья, масло и мясо за настоящие деньги.

Устроившись на ночлег в мягкой, уютной и большой отцовской куртке, Куиллиам никак не мог уснуть, несмотря на усталость. Ему казалось, будто Стак всей своей громадой навалился на их маленькую пещеру. Упадёт с устья пещеры единственная капелька – и вот он уже ждёт, когда упадёт ещё одна, и ещё, и ещё... Твёрдо намереваясь не поддаваться тоске по дому, он развернул свои мысли прямо как лодку, к более приятным предметам. К Мурдине.

Куилл уснул, думая о ней, но в снах его царил сумбур, как в колонии олуш. Сквозь них брела огромная бескрылая гагарка в белой маске, как какая-то святая разбойница. В его сне её блестящую чёрную спину покрывали вовсе не мягкие перья, а водопад девичьих волос, а из остроконечного тяжёлого клюва вырывались песни, которые пела Мурдина – о деревьях, озёрах и любви.

Двумя месяцами ранее на Хирте

Сброшенный на берег узелок с одеждой. Если бы лодку подбросило на волне, эта котомка могла бы запросто свалиться в море и сгинуть. Но рулевой, мистер Гилмор, каждые пару месяцев приплывал с Гарриса – привозил почту и разные полезные вещи. Это был его особенный талант: приставать к каменистому берегу. Никто больше так не мог. Он досконально знал побережье Хирты и умел сбросить на берег что угодно. Рука у него была крепкая, целился он метко, так что узелок с одеждой покатился по земле и примостился среди ожидающих лодку людей.

В узелке прятались пожитки старого Иана, который отправился на Гаррис проводить свою овдовевшую сестру, да там и умер. Узелок с одеждой – скромное имущество, но некоторые умирают, владея и того меньшим. Позднее обитатели деревни поделят его содержимое – найдут какое смогут применение тряпкам да обноскам. «Парламент» деревенских старейшин решит, кому достанется, к примеру, кисет. Но пока что узелок бросили в классную комнату; были и другие свёртки, ящики и котомки почты, которые надо было выгрузить на берег.

– От чего помер-то он? – спросила Флора Мартин.

– От чего он умер? Воздуха не хватило? Жизнь подошла к концу? От чего люди умирают? – важно спросил пастор, преподобный Букан. – Путь его окончен, и Господь призвал его к себе.

Но лодка принесла не только узелок. Но и Мурдину Галлоуэй. С большой земли. Племянницу миссис Фаррисс. Она дождалась, пока поднимется новая волна, и тупила на берег прежде, чем лодка снова опустилась. Сам Христос, перейдя море, должно быть, сошёл на берег так же безмятежно.

Нос лодки мягко стучался о камни. Немало лодок разбилось о скалы Хирты: из их обломков получались отличные двери и скамейки, ведь на самом острове деревьев не было. Для любого вроде Куилла, никогда не покидавшего дома, дерево было чем-то, что и представить-то трудно.

В этом отношении Мурдина была сродни деревьям. Темноволосая, с по-зимнему бледной кожей, она совсем не походила на женщин с Хирты. Их глаза обрамляли морщины от того, что они постоянно вглядывались в дождь и туман или блики моря. Её глаза были огромными, круглыми и тёмными, как торф. Руки у неё были не грубые и не кривые, как клешни, а гладкие и бледные, а пальцы – длинные. Она жестикулировала ими. Они говорили, эти руки – как и она сама.

Бывает порой, в ветреный день дома всё спокойно и приятно, а потом дверь распахивается и внутрь влетает... ветер. Надолго он не остаётся. Но вызывает... беспокойство. Мурдина беспокоила Куиллиама, а ему вообще-то не нравилось беспокоиться. Когда жизнь трудна, нужно радоваться скучной повседневности. Переживания исходят из плохих вещей – упавший со скал человек, вломившаяся в огород овца, помявшая посевы буря. Пастор говорил о «блаженствах неизъяснимых», ожидающих их в Раю: это была его любимая фраза, «блаженства неизъяснимые», но поскольку Куилл понятия не имел, что означает «неизъяснимые» или из чего состоит «блаженство», её смысл от него ускользал. Скучной повседневности ему было достаточно. А потом с лодки сошла Мурдина, и Куилла переполнили блаженства неизъяснимые. Чувства скреблись внутри него, как мышь внутри совы. Может, она и была просто племянницей миссис Фаррисс, приехавшей помочь пастору в школе, но она совершенно не походила ни на кого из людей, которых Куилл когда-либо встречал.

Начать с того, что она говорила. Целыми предложениями! Иногда предложениями длинными, как якорная цепь. Ему приходилось задерживать дыхание в ожидании, когда они закончатся. Народ на Хирте не очень-то разговорчив. Женщины сплетничают, когда работают вместе – размягчают твидовую ткань или потрошат рыбу. Мальчишки болтают и хихикают, меряясь, кто струю дальше пустит. Но в основном рты на Хирте держат закрытыми. Ненароком обронённое слово может обидеть. От холодного ветра больной зуб может сильнее разболеться. Мать Куилла частенько говорила «сказанного не воротишь». И даже преподобный Букан (чья работа как раз заключалась в том, чтобы часами говорить в церкви по воскресеньям) нередко упоминал фразы «нечистый рот» и «молчание – золото».

Но Мурдина говорила со всеми и каждым обо всём на свете. Она даже носила слова с собой – в карманах у неё всегда было не меньше двух книг. Уроки чтения мистера Фаррисса были тревожными, тяжёлыми часами для ребятни с острова. Чтобы прочесть страничку со словами, они напрягали все свои силы – как залезшая на скалу и неспособная спуститься овца. Но потом Мурдина начала

помогать мистеру Фарриссу на уроках, и всё изменилось. Буквы встали в ряд. Слова ожили.

Теряя терпение с «А – акула», «Б – Башмак», «В – ведро», она начинала сочинять историю, как Акулы спрятали Башмаки в Вёдра, готовясь пойти войной на Гуг, а Дрозд, Ежевика, Ёрш, Жук и все прочие буквы алфавита служили им пушечными ядрами... Она рассказывала им истории. Она читала им стихи из книг, которые хранила в карманах.

Ещё она пела: колыбельные, плачи и песни о любви.

«Вода так широка – не перебраться

И не взлететь – ведь крыльев нет...»

Пастор же всецело одобрял только псалмы. Он мог вытерпеть колыбельные и рабочие песни. От песен о любви он содрогался.

Ещё Мурдина смеялась, показывая ветру свои идеальные белые зубы и нисколько не страшась зубной боли. Пастора беспокоил смех Мурдины Галлоуэй.

Но совсем не так, как Куиллиама.

От её смеха по нему прокатывалась волна дрожи, как по колоколу, в который ударили, и его отзвуки пронзали всё его тело. Он не знал, что ему делать с этим эхом. Так что однажды, когда море здорово разбушевалось, он взобрался на вершину Ойсевала и выкричал его, глядя на горизонт: «Мурдина Галлоуэй! Мурдина Галлоуэй! Мурдина!»

Чайки принесли эхо назад в клювах, тысячу раз повторив: «Мурдина... Мурдина...»

Конечно, он не мог никому рассказать. Она приехала ненадолго. Её дом – на большой земле. К тому же она была старше него на добрых три года. Но когда дул ветер, от которого её одежда плотно прилипала к телу, Куилл не мог объяснить, что он чувствует – разве что это была вторая любимая фраза пастора: «грехи плоти».

* * *

Она приехала ненадолго. Её дом – на большой земле.

Вскоре после того, как команда птицеловов отправилась на Стак Воина, мистер Гилмор снова приплывёт с Гарриса с почтой и досками, разными орудиями, синим красителем, ламповым стеклом, бумагой, книгами и табаком. Когда он отчалит, то заберёт с собой пастора, преподобного Букана, чтобы тот отчитался о своей миссионерской работе. И Мурдину.

К тому времени, как команда птицеловов вернётся со Стака, Мурдины Галлоуэй уже не будет на Хирте. Куилл больше не увидит её. Почтовая лодка увезёт её назад на Гаррис. С Гарриса она отправится на большую землю, где за ней день ото дня будут наблюдать эти невообразимые деревья, о которых она рассказывала.

«Я оперлась спиной о дуб

Прося его меня укрыть...»

Однажды Куилл собрался с духом и попросил её описать ему дубовое дерево, и она сказала: «Я придумала что-то получше, Куилл. Я его выращу – только для тебя!» И острым камнем на клочке белого песка нарисовала ему большое-пребольшое дубовое дерево и добавила на ветки листья – отпечатки своих босых ног – и жёлуди-камешки. Он так долго удивлённо таращился на это дерево, не веря своим глазам, что опоздал домой к ужину.

Вернувшись туда на следующий день, Куилл был убеждён, что дерево по-прежнему будет на месте. Он сможет поставить свою собственную босую ногу на листья – отпечатки ног Мурдины. Но, конечно, море полностью стёрло его – так что он почти решил, будто просто вообразил это.

Когда он вернётся домой со Стака, через три недели, море уже унесёт и саму Мурдину. Будто он и её лишь вообразил.

Задержка

Через несколько дней после прибытия на Стак Воина птицеловы сменили жилище – перебрались из Нижней Хижины в Среднюю, на полпути к вершине. Удобств там было не больше, чем в Нижней, но оттуда они могли спускаться на верёвках и ловить птиц на скалах. Кроме того, когда море бушевало, туда долетало меньше брызг. Они выставили у входа котелок, чтобы набирать дождевую воду для питья: так было проще. Мешки разделили, чтобы спать на них и под ними.

Старшие мальчишки разобрали себе места для сна быстрее всех. Хоть один клочок каменистого пола не мягче другого, старшие знали, что ровная поверхность лучше наклонной, на которой постоянно кажется, что вот-вот скатишься. От выступа или ямки в полу наутро проснёшься с синяками. Сочащаяся по капле вода с потолка может за ночь вымочить мальчишку целиком. В глубине пещеры сквозняков, может, и поменьше, но скорее всего, там умерла и сгнила не одна птица и не одна мышь. Так что как только мужчины определились с выбором, мальчишки, которые уже бывали на Стаках, за несколько секунд расхватили места, оставляя младших ютиться где придётся. Дейви стоял у устья пещеры, терпеливо ожидая, что кто-нибудь скажет, где ему спать.

– Их на каменную стенку повесь – они как младенцы будут спать, малышня эта, – бросил Куилл Мурдо, но всё же ощутил укол вины, увидев неровные булыжники, на которых улёгся Дейви.

Ловцам, приплывшим на Стак дольше, чем на неделю, приходилось складывать у входа в пещеру валуны, чтобы укрыться от ветра. Но сейчас никто на это время тратить не собирался: погода была мягкая, а вид – слишком живописный, чтобы его заслонять. Отсюда им была бы видна Хирта, если бы Стак Ли её не заграждал.

* * *

В первое воскресенье в Средней Хижине Коул Кейн собрал всех на молитву и попросил прощения у Всевышнего за то, что они работают в священный день отдохновения. Куилл видел, что остальные мужчины недовольны этим его самоназначением на должность временного пастора. Юан, однако, всегда был рад возможности помолиться.

Юан: серьёзный и торжественный малыш Юан, у которого ещё не сломался голос и который утверждал, будто у каждого цвета есть вкус, а святыя слова – волшебные. Кеннет говорил, что Юан хочет быть на хорошем счету у Кейна, вот и изображает из себя маленького святого. Но Юан хотел быть на хорошем счету лишь у ангелов, которые записывают твоё имя в золотую книгу, если ты достоин Рая.

Юан и Джон, Найлл и Дейви устроились у ног мистера Кейна, надеясь на историю из Библии или на то, что их молитвы будут услышаны, если они смогут провести воскресенье как положено. Но мальчишки постарше сидели в сторонке, не очень-то веря, что Коул Кейн владеет каким-то волшебством.

Если преподобный Букан, настоящий пастор кирка, был человеком прохладным, то Кейна можно было сравнить с ведром холодной воды. Он называл себя «правой рукой пастора», хотя на самом деле был всего лишь помощником, нанятым копать могилы, ухаживать за огородом при мансе, чинить крышу и прибирать в сарае, служившем кирком. Когда Владыка острова даровал «кирку» колокол с корабля, Коул Кейн взял на себя ещё и обязанности звонаря и звонил в колокол перед службами, созывая жителей на молитву. Он считал, это делало его важным «служителем кирка».

Отец Куилла шептал, что Коул Кейн думает, будто Бог сидит на другом конце верёвки, вот и дёргает её изо всех сил, чтобы привлечь внимание Всевышнего. Мать Куилла говорила, она благодарна, что у неё есть уши, так что она может заткнуть их пальцами. Куилл предполагал, что если мистер Кейн когда-нибудь засмеётся, его собственные уши от удивления отвалятся.

В общем, никто в здравом уме не стал бы избирать Коула Кейна заместителем пастора.

* * *

В тот день они ловили сетью у воды качурок. Тут, как и с глупышами, нужно было ухитриться, чтобы масло осталось внутри птиц, и хватать их за крылья сзади прежде, чем они успеют в приступе ужаса срыгнуть ржаво-красное содержимое своего желудка. Птичье масло считалось лекарством от всего – от зубной боли до прострела, так что люди с большой земли (те, которые могли себе позволить заболеть) давали за него хорошие деньги. И всё же кропотливая и грязная это была работёнка – переливать масло из маленьких желудков глупышей в большие эластичные желудки олуш и накрепко завязывать. Все были только рады, когда наконец могли заняться самой ценной птицей – гугами. Птенцами олуш. Вылупившиеся весной, к августу они настолько выросли, что весили даже больше родителей. Их мясо продадут на большой земле задорого, и на Хирте устроят роскошный пир.

Так что старшие мальчишки и мужчины каждый день отправлялись ловить гуг. Птенцы сидели, как пушистые пельмешки, на узких уступах самых крутых скал. Казалось невероятным, что они не теряют равновесия и не падают, не научившиеся летать, в море или не скатываются – плюх-плюх-плюх – по косогорам вниз. Чтобы добраться до них, старшие мальчишки спускались по вертикальным утёсам на верёвках из конского волоса, через которые продевали одно бедро, а назад с мёртвыми птенцами, свисающими с поясов, их втягивали мужчины.

Днём они ловили олуш; вечером они ели олуш. Ночью сны их были до краёв полны тупиков и глупышей и кишели олушами.

Мурдо и Куиллиам превратили работу в соревнование, каждый день меряясь наловленным. Они вместе охотились на птиц с тех самых пор, когда научились ловить их больше, чем распугивать. Они прошли испытание в один день: отправились на жуткую Скалу Поцелуев, вздымающуюся высоко над беспокойным океаном, и поцеловали там камень. Конечно, во время охоты целовать птиц не приходилось – только хватать их за шеи. Как подметил Мурдо, «если бы проверка была легкотнёй, то ты бы пошёл назавтра ловить птиц и угробился – и выходит, твои маманя с папаней столько лет зазря тратили на тебя овсянку и одежду». (Мурдо очень много размышлял о стоимости и ценности вещей. И даже людей.)

Отец Мурдо изготовил и владел лучшей верёвкой на Хирте – сплетённой из конского волоса и вручную вшитой в оболочку из овчины. Однажды она станет принадлежать Мурдо – отец передаст ему её в наследство, как лорды и дворяне

передают своим первенцам в наследство дома, земли и мечи. А когда-нибудь Мурдо, думается, оставит её уже своему сыну.

А вот Юан свою верёвку уже унаследовал – его отец погиб, упав со скалы, – но был ещё недостаточно взрослым, чтобы на ней работать. И всё же он прихватил её с собой: за каждую верёвку, взятую на Стак, платили птицами или перьями, а матери Юана после смерти мужа такая приплата была очень нужна.

Так что Куилл свисал со скалы высоко над морем именно на верёвке Юана – одной рукой хватая гуг, второй поддерживая вес своего тела. Верёвка обхватывала бёдра, змеясь под одним и над вторым – мягкая, бледная и хорошенькая – как, в общем-то, и сам Юан.

Потрёпанное седло пони, прилаженное к краю скалы, не давало верёвке оборваться или перетереться об острую каменистую кромку. Дейви почему-то взялся каждый день носить это седло от Хижины к скалам, а потом наблюдать, как мистер Фаррисс закрепляет его. «Теперь спускаться безопасно, Куиллиам», – говорил Дейви, серьёзно кивая, и убегал в своих носках к младшим мальчишкам ощипывать птиц.

На Стаке было не меньше восьмидесяти клейтов: маленьких каменных башенок, в которых сушились мёртвые птицы. В клейт только ветер может проникнуть, и он высушивает сложенных внутри птиц почти так же хорошо, как копильня. Сидя прислонившись к клейту спинами, мальчишки ощипывали пойманных птиц, выдирая из них перья, пока и башенка, и земля, и воздух, и они сами не становились белыми, как пух. Младшие день за днём запихивали перья в мешки, пока наконец невесомый пушок не становился тяжёлым, как камни. Благодаря им скоро какой-нибудь богач с большой земли станет спать на перине, набитой пухом, который пахнет не только птицами, но и рыбой, которую эти птицы ели, и морем, в котором эта рыба плавала.

* * *

Августовские рассветы ровными лучами разрезали горизонт. Закаты были розовые и пушистые, как перья. Короткие ночи наполняло мерцание звёзд.

Но работа с рассвета до заката означала пятнадцать часов птичьей ловли: лазать по скалам, ощипывать птиц, сворачивать им шеи, расставлять сети, таскать добычу, делать запасы, чинить верёвки, разливать масло, прочёсывать берег в поисках растопки для костра, собирать яйца, ловить силками тупиков и продевать фитили в качурок. К тому времени, как солнце оказывалось в зените, мальчишки засыпали, стоило им присесть – на каменистых уступах, на вершинах скал, на щебенистых склонах, и будили друг друга, боясь, что опрокинутся во сне и разобьются насмерть, просыпались и снова принимались за работу – собирали, ставили силки, ощипывали, делали запасы...

И всё же при виде множества мешков, полных перьев, и ломающихся от птицы клейтов нельзя было не ощутить удовлетворения. Тяжкий труд выщипывал из дней часы и минуты, а ветер уносил их прочь. Скоро они вернутся домой, на Хирту.

Прошло три недели, началась четвёртая.

* * *

Лодка должна была приплыть по возможности. Это приливы и ветра решали. Может, единственная лодка с Хирты разбилась о прибрежные камни или начала гнить: теперь нужно чинить её. Вдруг отец Калума поранился и не может ей править. В таком случае, конечно, вместо него приплывёт мистер Гилмор на почтовой лодке, поскольку уже подошло время новой доставки разных припасов? Или нет. Возможно, почты не было. Возможно, «Парламент» никаких припасов не заказывал.

Прошло ещё два воскресенья, ознаменовавшихся молитвами и советами мистера Кейна. Потом ещё одно. Мальчишки не осмеливались жаловаться, но нелёгкая работа на Стаке Воина всё меньше казалась честью и всё больше – пыткой. Даже мистер Дон – невозмутимый, суровый человек – начал ворчать и бормотать себе под нос, что ему нужно возвращаться домой чинить крышу, пока погода не испортилась. Мистер Фаррисс тоже хотел вернуться – к жене и маленьким детям.

Куилл перестал выдумывать причины, по которым Мурдина Галлоуэй могла бы остаться на Хирте вместо того, чтобы отправиться домой: теперь он больше никогда не увидит её, ни разу в жизни. Так что он начал составлять

воображаемые письма к ней, то и дело невзначай упоминая, сколько гуг он поймал, или как стал Королём Олушей, или что скучает по её пению. В его воображении мистеру Фарриссу даже не приходилось помогать ему с правописанием.

В его воображении Мурдина отвечала ему.

Команда мальчишек и мужчин, явившихся работать на морской Стак на четыре недели, могла проработать там и дольше. Конечно, могла. Ещё никто не умер от того, что спал на каменном полу. У них было достаточно птиц, чтобы питаться ими, освещать пещеру и разжигать костёр. Так что с того, что теперь они немного грязнее, чем понравилось бы их матерям? От небольшого слоя грязи только теплее становится. Им хотелось уплыть отсюда – они готовы были вернуться к своим собакам, пони, сёстрам и (в первую очередь) нормальным вырытым в земле туалетам позади домов. Но никто не хотел начинать жаловаться первым – ещё подумают, что ты хияк, чего доброго. Только тихий плач Дейви, раздававшийся после того, как погаснет последняя искра костра, не давал Куиллу уснуть. Это да кап-кап-кап воды с устья пещеры.

* * *

Гуги оперились и превратились во взрослых птиц, съёживаясь до размеров обычных олуш. Летнее море потемнело.

– Почему они не приплывают? – спросил Калум, и все уставились на него: он озвучил то, что они так тщательно держали при себе. Калум расковырял дыру, которую все остальные пытались заткнуть.

– Наверняка есть причина, – сказал Донал Дон.

– Приплывут как смогут, – сказал мистер Фаррисс.

– На всё воля Господа, – сказал мистер Кейн, как обычно высокопарно.

– А вдруг пираты напали? – выпалил Найлл: слова вырвались из его рта так быстро, будто за ними гнались разбойники.

Вопрос повис в воздухе. Найлл не стал задавать его во второй раз – не потому что он был нелепым, но потому что думать об ответе было невыносимо. При них такого не бывало, но деды их помнили, что пираты приплывали на Хирту. Они согнали всех жителей в кирк, а потом подожгли его. Такие истории хороши для взрослых на Хэллоуин, а не для мальчишек, оказавшихся вдали от дома. Мурдина ни за что не позволила бы такой истории пустить корни в мальчишеской голове. Куилл задумался – какие слова утешения сказала бы она вместо этого? Что бы она?.. Что бы он?..

– Думается, они поплыли на лодке рыбачить и скалу задели, вот и пришлось им доски искать для починки – с пасторовых ворот, например – но Парламент старейшин не разрешил, так что они ждут, пока какое-нибудь дерево прибьёт к берегу, к тому же инструментов, чтоб её починить, у них нету, мистер Дон-то тут, а миссис Дон не может им дать его зубило, потому что, может, его мистер Гилмор одолжил да забыл вернуть и прихватил домой, на Гаррис.

– Спасибо, Куиллиам, – сказал мистер Фаррисс, и совершенно искренне, потому что младшие перестали дрожать, а всех остальных эта речь просто заворожила.

– Куилл на вашу племянницу глаз положил, мистер Фаррисс, – с ехидной насмешкой сообщил Кеннет. Его нижние зубы от природы наезжали на верхние, так что челюсть у него всегда была выпячена, придавая ему воинственный вид, как у кабана.

Раздалось хихиканье, заставившее Куиллиама окаменеть, а маленького Дейви – растеряться.

– Что, девушка с большой земли? Мисс Галлоуэй то есть? Но она же такая чёрная! И нос у неё здоровенный!

– Как у гагарки? – спросил Найлл, и за этим последовал новый раскат смеха.

Мистер Фаррисс нахмурился, глядя на Дейви, недовольный его поведением, но мальчика просто поразило Куиллово представление о красоте.

Конечно, Куилл всё отрицал. Вовсе он ни на кого не положил глаз. Но с лица Кеннета никак не сходила его типичная сияющая ухмылка. Куда бы Кеннет ни пошёл, он везде собирал секреты – острые мелочи, которые могут пригодиться,

когда он захочет кого-нибудь ранить и сделать больно. Так что Куилл не стал спорить о размере Мурдининого носа – хотя, по его мнению, такой нос был достоин самой царицы Савской. Не стал он и говорить, что чёрные волосы могут быть столь же красивыми, как каштановые или рыжие.

Разговор перетёк к «чужестранцам» в целом. Являлись ли они из-за океана, или из бесовских шотландских городов, или с больших островов вроде Гарриса – мистер Кейн всех их объявил «суетными» и «помешанными на деньгах и веселье». (С чего он это взял – осталось загадкой, поскольку дальше морских Стаков он от дома не отплывал.)

– Владыка живёт на Гаррисе, – мрачно напомнил Донал Дон и бросил на Кейна хмурый взгляд.

Никто не смел говорить о Владыке Сент-Килды дурно. Подобно Богу, он никогда не посещал острова лично – только раз в год отправлял своего наместника собрать с обитателей налоги. Подобно Богу, он держал всех на Хирте в благоговейном страхе. Тот только факт, что он мог владеть целым архипелагом островов и Стаков, делал его в их глазах похожим на самого Творца.

Кол Кейн вспыхнул и закипел.

– Ну, может, есть и такие – вроде Владыки – кто порядочно живёт, – сдался он. Мистер Дон поглядел на мистера Фаррисса и подмигнул.

По крайней мере, больше разговор о том, почему за ними не приплыла лодка, тем вечером не заходил.

А то, о чём не разговаривают, едва ли существует, разве не так?

* * *

– Они о нас забыли? – спросил Дейви, помогая Куиллу закрыть клейт крышкой. Маленькая каменная башенка уже до краёв была полна птиц. Те, что лежали внизу, уже должны были достаточно высохнуть и быть готовы к продаже. – Забыли, Куиллиам? Они о нас забыли? Нам теперь всегда тут жить придётся?

– Бог с тобой, дурачок. Нет, конечно. Они завтра приплывут. Или послезавтра. Скоро. – Куилл устал выдумывать оправдания, чтобы унять страхи младших. Он стал раздражительным – постоянно быть среди людей ему надоело. Остальные тоже сделались вспыльчивыми.

Мистер Фаррисс негодовал по поводу того, что мальчишек «так надолго оторвали от родни». Мистер Кейн каждые пять минут высокомерно провозглашал: «Что нельзя изменить – должно вытерпеть», отчего мистер Дон раздосадованно кривился.

Может, сине-зелёный люд, сотворённый из морской пены, явился на берег и похитил себе жён из деревни.

Может, молния ударила.

Может, где-то началась война, и Владыка отправил всех мужчин Хирты сражаться за Шотландию.

Никто не верил ни единому предположению – даже те, кто их делал.

Пока не заговорил маленький Юан.

Мистер Кейн вёл службу. Хижину освещали птицы-фонари: сквозь жёсткие тельца мёртвых качурок продели просмолённые фитили и зажгли с помощью бесценной Кейновой трутницы. Они горели так же ярко, как любая свеча из пчелиного воска во французском подсвечнике, и прогорали до самых лапок, прежде чем погаснуть.

Куилл держал глаза закрытыми, но не молился. Вместо того, чтобы слушать гудение нудного голоса мистера Кейна, он пытался представить лицо Мурдины Галлоуэй, боясь, что позабыл его. Внезапно Юан, устроившийся в уголке пещеры, вскочил, а потом вскрикнул. Все ахнули. Оглянувшиеся на мальчика птицеловы увидели, что он лежит лицом в пол, словно мёртвый, подняв руки к голове. Мистер Фаррисс торопливо подскочил к нему, согнувшись пополам.

– Он головой о крышу стукнулся! – в ужасе сказал Найлл. – Он умер?

Но Юан зашевелился, перевернулся и осмотрелся – глядя не на людей, а на стены пещеры, будто на них были изображены картинки, которые мог видеть лишь он.

– Я знаю, – сказал Юан.

– Что ты знаешь, мальчик?

Кровь постепенно прилила к лицу Юана – будто из головы просачивалась на свободу невыносимая мысль.

– Они все наверху.

– Где наверху, мальчик? Кто?

Мистер Кейн фыркнул, недовольный, что его службу прервали.

– Их всех забрали наверх, неужто непонятно? – сказал Юан, широко распахнув голубые глаза. – Я это ясно видел, как картинку: наступил Конец Света, и всех забрали на небеса, судить. Но нас не заметили, потому что мы прятались в скалах, и теперь все там, наверху, а мы остались тут. – В его высоком мелодичном голосе звучали одновременно благоговение и ужас.

Никто не засмеялся. В каждой расщелине каменных стен вокруг них горели безголовые качурки, фитили венчали ореолы пламени – словно сонм маленьких тощих ангелов взирал на них сверху вниз. Среди них легко было поверить в невероятное.

Бог решил, что с миром пора покончить. Настал Конец Времени. Раздался глас золотой трубы, и ангелы спустились на землю, чтобы забрать всех праведников в Рай, а грешников низвергнуть в Ад. Ангелы побывали на Хирте, потому что она большая и зелёная, и на ней есть дома. Но на Стаках посмотреть они и не подумали, потому что Стаки – всего лишь каменные глыбы, торчащие из моря, а кто станет жить на камнях, кроме морских блюдечек да птиц? Точно не люди. Не мужчины и не мальчишки, укрывшиеся в каменной расселине. Так что команду птицеловов ненароком позабыли в опустевшем мире.

Найлл, Дейви и Лаклан выбежали в сгущающиеся сумерки дождливого дня и начали кричать в небеса:

– Мы тут! Поглядите! Мы тут! Тяните! Тяните!

Это был крик птицеловов, закончивших работу на верёвке: «Тяните! Тяните!». От мелкого колючего дождя лица их защищало.

Остальные мальчишки замялись.

– Это правда, мистер Кейн? – спросило полдюжины голосов: хоть мистер Кейн и был человеком напыщенным и неприятным, на Стаке он был ближе всего к пастору. – Юан прав?

Кейн ответил не сразу, и выражение его лица понять было сложно. Казалось, ему хотелось продолжить прерванную Юаном службу. Ему не нравился этот мальчик, Юан, хорошенький и склонный к мистицизму, что было не очень по-пресвитериански. Истерический шум снаружи заставил Кейна наморщить кустистые брови. Он вытер уголки губ, в которых скапливалась слюна, обвёл взглядом пещеру, не останавливаясь ни на одном лице, а потом сказал:

– Юан глаголет истину. Я и сам пришёл к такой мысли во время своих раздумий. Я хранил молчание, боясь расстроить младших. Да будет так...

Это нелепое напыщенное «Да будет так...» повисло в воздухе, смертоносное, как грохот перед камнепадом.

– Да будет так, этому мальчику было ниспослано видение, и мы должны принять страшную правду. Господь собрал свою отару, и, поскольку мы... находимся вдали от дома... нас... на некоторое время... упустили из виду. – Кейн подкрепил свой аргумент: – Спросите себя: что ещё могло произойти?

Мистер Фаррисс и мистер Дон явно были с ним несогласны. Всякий раз, когда Коул Кейн принимался самодовольным голосом разглагольствовать о божьих замыслах, якобы ему известных, они закатывали глаза и рычали. Оба были истово верующими, богобоязненными людьми, но, в отличие от Кейна, у них на Хирте остались дети, и должно было произойти нечто значительнее Конца

Света, чтобы заставить мужчин забыть о них.

– Если бы мы могли переправиться на Боререй, – сказал Дон, – мы бы могли подать сигнал домой... – Он говорил так каждый вечер, веря, что это единственный способ спастись. Но никто не слушал его. Мальчики плакали, звали матерей, задавали вопросы или просто раскачивались, сидя на корточках и накрыв голову руками. Куиллиам, бесстрашно балансировавший на бесчисленных скалистых уступах, внезапно понял, каково это – фатом[1 - Фатом – мера длины, равная 1,8288 метра (Примеч. перев.).] за фатомом падать в бездну страха. Уши закладывало, перед глазами плясали цветные пятна. Конец Света? Конец мира...

Гостивший на острове лодочник как-то поведал ему, что тонуть не так уж и жутко. Секрет состоял в том, чтобы оставить попытки вдохнуть воздух и вместо этого вдохнуть полной грудью воду. Так что Куилл стал дышать глубже, и падение замедлилось; он обнаружил, что его омывают густые волны спокойствия.

– Что мне делать? – вслух спросил он, но из-за галдежа мальчишек снаружи пещеры ответ никак не приходил ему в голову. «Мурдина, что мне делать?» – спросил он, не дав ни единому слову сорваться с губ.

Он выбрался из Хижины и, оказавшись на холодном воздухе, осознал, до чего лихорадочно горячей была его кожа. В истерике мальчишки подошли опасно близко к краю скалы, мелкие камешки летели из-под их ног вниз, в море. Они в смятении толкались и пихались.

– Нужно подать сигнал! Как думаете, а? – Куилл сказал это, а потом сказал громче, ещё раз и ещё, пока они не обратили на него внимание. – Давайте подадим сигнал – пусть горит, так что никто не забудет, что мы здесь! – Дейви бездумно вцепился в руку Куилла, как мог бы вцепиться в отцовскую. – Подумайте, – продолжил Куилл. – Ангелы, должно быть, без усталости работают, чтобы переправить домой всех праведников. Им нужно в куче стран побывать – в куче городов! Слушать нас им некогда. Но когда они закончат с трудами, кто-нибудь из наших скоро скажет им: «Эге! Вы кой-кого позабыли!» – Мальчики сверлили его такими пристальными взглядами, что ему стало неловко. Они что, думали, что он и впрямь знал больше них? Если он что и знал, так это то, что надо увести их с края. – Тогда ангелы прикроют крыльями рты, заахают и поспешат сюда, чтобы отыскать нас! – (Что он несёт такое?) – С большой земли

досюда далеко. Найти непросто! Помните, мистер Фаррисс как-то показывал нам карту? Карту мира? И Хирта там вовсе не была отмечена? – (А теперь он что пытается сказать? Что у ангелов карты неточные?) Почему мальчишки не рассмеялись и не обозвали его дураком? Нет, они продолжили смотреть на него с такой отчаянной жадью информации, что он невольно продолжил. Он заверил их, что уже очень скоро ангельский сонм приплывёт к ним по морю или прикатит по волнам на золотых колесницах, и всё, что им нужно – это сигнальный костёр, который проведёт корабли (или колесницы) сквозь морской туман или ночную тьму, так что ангелы не промахнутся мимо Стака. Теперь нужно лишь дожидаться их прибытия – беречь себя – потому что тот, кто сейчас умрёт, уже не дождётся ангелов, которые заберут их в Рай.

Верил ли он в это сам?

Ни на миг. И всё же это сработало.

Мальчишки вдруг заметили, как близко стоят к краю, и поспешили отойти. Найлл завязал расхлябавшиеся шнурки на башмаках. Все ждали новых указаний.

– Лаклан, иди спроси мистера Кейна, можно ли взять трутницу, – сказал Куилл.

Но Лаклан вернулся с пустыми руками.

– Мистер Кейн сказал, что мне нету доверия. Так что я вот это принёс. – Он распахнул куртку и продемонстрировал скрывающееся внутри маленькое безголовое тельце с ореолом: свечку-качурку, всё ещё горящую. Коул Кейн был неправ: Лаклану можно было доверить что угодно.

Вчетвером они добрались до ближайшего клейта и открыли его. Внутри оказались сети, и Куилл сказал, что они слишком ценны, чтобы их жечь, потому что могут ещё пригодиться. Так что они дошли до следующего клейта, набитого гугами и тупиками.

Костёр из них вышел превосходный, из этих пичуг. Из дыр в каменной кладке вырвались свет и дым, обволакивая ноги мальчиков, освещая их лица и заставляя чихать.

– Теперь они явятся, – торжественно произнёс Дейви. – Ангелы увидят наш костёр и явятся.

– Скоро, – сказал Куиллиам. – Очень скоро. Наверное.

Верил ли он в это?

Ни на миг.

Где были знамения, предсказавшие бы конец всего сущего? Люди на Хирте непрестанно искали знамения, рассказавшие бы им, что сулит грядущий день. Они высматривали птиц-души, облака странной формы, ореол вокруг луны, падающую звезду... Бог, конечно, дал бы понять, что миру вот-вот придёт конец? Где обещанные Библией знаки: кроваво-красная луна, зверь с цифрами на лбу, пересохшее море? Конечно же, должны были быть знаки. Не одна только не приплывшая за ними лодка.

Вдыхая дым горящих птиц, Куилл мог думать лишь о впустую потраченной еде. Им может понадобится каждая крошка, если им придётся остаться на Стаке на... Но он отказывался додумывать эту мысль. Это было невыносимо.

Сомнения и страхи

На следующее утро, несмотря на то что, возможно, наступил конец света, птицеловы снова принялись за работу. А что им оставалось делать? Куилл был этому рад: во время вылазки к новым гнездовьям у него появится шанс переговорить с Мурдо наедине, а уж у Мурдо-то со здравым смыслом всегда всё в порядке.

Но Джон напросился лезть вместе с ним, сыпля вопросами, будто Куилл (освоивший таинство чтения) мог знать на них ответы.

– А ангелы – они все секреты человека знают, так что им и спрашивать не надо? А они хранят то, что знают, в тайне или раззванивают на весь Рай, чтоб все знали? – Краснощёкое пухлое лицо выглядело взволнованным – это казалось непривычным, потому что обычно Джон был невозмутимым, как подушка. (Куилл видел его обеспокоенным только раз – когда они все вместе стояли у дома Найлла и слушали, как рождает Найллова мать.)

– Секреты? Чего меня-то спрашивать? Это не у меня видение было.

– Я спрашиваю, потому что подумал, что у тебя могут быть секреты, – бросил ему Джон. – О девице-чужестранке.

– Нету их у меня! – Он попытался карабкаться быстрее, чтобы обогнать Джона. Но у того были широкие бёдра и ноги колесом, так что он сделал мощный, длинный и по-ящеричьи ловкий рывок вверх и вновь оказался с Куиллом наравне.

– Но если бы у тебя был секрет...

Загнанный в угол, Куилл тяжело вздохнул и выдумал ответ:

– Небось они не могут унюхать секрет, если только он не пахнет чем-то дурным, – предположил он. – А если секрет не плохой, то они и время тратить не станут. – Джон помолчал, обдумывая это, а Куилл свернул в сторону, ища своего друга.

Но когда Куилл отыскал его, Мурдо отлынивал от работы – сидел на грязном уступе и бросал камни в море. Он обмотался отцовской верёвкой и явно в равной мере запутался в каких-то своих мыслях.

Он всё говорил о «долях» и о том, что ему «причитается».

– Если нам придётся остаться, то каждому должно достаться по скале! – первым делом сказал он. – Я разве не прав? Все склоны надо поделить, как дома.

Младшим достанутся те, что попроще, а нам – покруче, потому что мы старше. Так что птицы, которых мы добудем, будут только нашими, безо всякой делёжки, так? С этого момента я собираюсь отмечать каждую птицу, которую поймаю. И тебе советую... И клейты я хочу свои собственные, чтобы этих птиц в них хранить, так чтобы я мог сказать: «Это моя добыча – лапы прочь!» А седло теперь чьё, как по-твоему? Общее? А кто заплатит за верёвки? За них заплатят? Отцовская верёвка теперь моя, так что я хочу своих верёвочных денег! – Это была чепуха – практически птичий язык – но Куилл не мог пробиться сквозь эту стену слов, которую возводил вокруг себя друг. Мурдо всё стучал ладонью по камню и сыпал аргументами: что Стак надо поровну поделить между всеми, если теперь они собираются прожить на нём всю жизнь.

– Всю жизнь? – переспросил Куилл, наконец понимая, что за образ вообразил себе друг: им всю жизнь придётся просидеть на голом каменном утёсе, питаясь одними лишь летними птицами; не осталось никого, кто мог бы спасти их, никого, кто мог бы снова сделать жизнь справедливой. – Брось! Скоро мы уплывём отсюда!

– Тебе-то хорошо говорить! – сказал Мурдо, яростно отталкивая его. – Ты-то пожил. А я и не начинал даже. Я хотел... У меня никогда не было...

Вдали захлопали крылья – не разглядеть чьи из-за яркого солнца. Мурдо резко выпрямился.

– Кто-нибудь появится, – сказал Куиллиам. – С Хирты, в смысле.

– Это я знаю, – рявкнул Мурдо, но его взгляд был прикован к становящемуся всё ближе трепыханию крыльев в солнечных лучах. – Юан дурак. Юан всегда был дураком, – сказал Мурдо, но в то же время бросил на Куилла быстрый взгляд, будто прося посмотреть на то, что видит он.

– Чего у тебя «никогда не было»? – спросил Куилл.

Крупные силуэты, и приближаются быстро: взмахи крыльев таких мощных, что заглушают рёв моря. Мурдо отнял руки от своей драгоценной верёвки и поднял их вверх – жест гостеприимного хозяина. Или сдающегося в плен. Ангелы и впрямь явились за ним!

– Чайки! – завопил Куилл. – Ложись!

В тот же миг черноспинные чайки набросились на них, осыпая ударами жёстких крыльев, целясь клювами в лица. Куилл и Мурдо съёжились, обнявшись и прикрывая друг друга от вопящих им в уши налётчиков. «Убирайтесь с нашего Стака! – будто орали им птицы. – Возвращайтесь откуда пришли. Это наши скалы!»

Наконец нападавшие смиростивились и улетели выше, клекоча и бормоча. Мальчики разняли объятия и сразу же отвели друг от друга взгляд: Мурдо – чтобы скрыть тот факт, что он плакал, Куилл – чтобы уж наверняка не увидеть этого. Но Куилл почувствовал, что ярость покинула друга – вместе с надеждой. Лежащая у Мурдо на коленях бесценная верёвка создавала впечатление, будто чайки вырвали из него внутренности. В некотором роде так и было: стая злобных птиц – неважная замена ангельскому сонму.

Если даже Мурдо верил в ангелов – думал, что миру настал конец – возможно, это Куилл дурак, раз сомневается в этом. Раньше они никогда не расходились во мнениях.

– Так чего у тебя никогда не было? – спросил он, будто их разговора ничто и не прерывало.

– Ясно чего, милой, – ответил Мурдо.

Куилл был озадачен.

– У меня тоже.

– Но ты же любишь мисс Галлоуэй.

Куилл стал бы отрицать это, но ему сделалось любопытно: как это приравнивается к наличию милой? (У Мурдо имелись старшие сёстры, так что о таких вещах он знал побольше него. В конце концов, именно он поведал Куиллу о ежемесячных женских тайнах.)

– Мурдина-то меня не любит, друг!

– И что?

– Разве от того, что ты любишь девицу, она становится твоей милой? Разве не надо – ну знаешь – чтобы были какие-то виды?

– Не, друг. Как только она оказывается у тебя в голове – это всё равно что стенку построить вокруг коровы, чтобы она не убежала, значит. Она твоя корова, потому что ты построил вокруг неё стенку.

Для них обоих это открытие развеяло страх и боль после чаячьей атаки. Мурдо почувствовал себя мудрее, оттого что обладал знанием, которого не было у Куилла, а Куилл почувствовал, будто освоил магию, о которой раньше и не слышал. Мурдина Галлоуэй может быть далеко, на большой земле – или и того дальше, в Раю – но девушка в его голове оставалась его пленницей. У Короля Олуши была милая!

– А ты разве не можешь завести себе милую? – спросил он.

Мурдо поглядел на него, разводя руками. «Что, застряв на этом камне? – словно говорили эти руки. – С восемью другими мальчишками? После того, как миру только что пришёл конец?» Какие тут шансы?

– Может, когда в Рай попадёшь? – предположил Куилл.

Мурдо скорчил рожу.

– Я хотел быть с девушкой, а не просто на неё смотреть! Такое там точно не получится – в Раю-то придётся стоять и распевать гимны, да и смотрят все... К тому же, мне кажется, что тела нам придётся оставить здесь. Превратимся в махоньких духов и будем парить в небесах.

– А-а, – сказал Куилл, который так детально об этом не раздумывал.

* * *

На следующий день Юан не пошёл охотиться. Не пошёл и Коул Кейн. Может, их отсутствия и не заметили бы, но с моря дул буйный, порывистый ветер, способный вырвать верёвку из рук лазающего или сбросить тощего мальчишку со скалы, так что Донал Дон решил, что сегодня стоит заняться ловлей сетями. Куилл и Мурдо, которых отправили за сетью и трутницей, явились к клейту, где хранилась сеть, и обнаружили, что он превратился в алтарь. Коул Кейн оставил при себе Юана, чтобы тот помог его украсить. Здесь (сказал им Кейн) он будет каждый день молиться – на рассвете и на закате.

– Ладно, но можно нам взять сеть, мистер? – спросил Мурдо.

Юан отметил, что птичья сеть используется в качестве алтарного облачения и украшена армериями вместо вышивки. К вящему недовольству Кейна, Юан всё утро провёл, украшая алтарь. Пока мальчишки восхищённо разглядывали результат его трудов, особенно резкий порыв ветра один за другим выдернул цветы, снова оставляя сеть голой. С большой неохотой, мистер Кейн позволил им поднять плоский камень-крышку и вытянуть сеть... но помогать не стал. И одалживать трутницу снова отказался:

– А плата за огонь у вас имеется? – спросил он.

– У нас, мистер? Нет, мистер.

– Тогда моей трутницы вам не видать. Если вам нужен огонь – я принесу огонь. Я стану «Хранителем Трутницы» и буду даровать огонь лишь тогда, когда он действительно понадобится.

Мурдо не понял.

– Так... вы пойдёте с нами сейчас, мистер Кейн? Мистеру Дону огонь нужен. Чтобы выманить тупиков.

– «Пастор», – сказал Юан. – Теперь вы должны называть его «пастор Кейн».

Мурдо и Куиллиам снова переглянулись. Они готовы были называть Коула Кейна хоть королём Шотландским – лишь бы он дал им трутницу, но когда он вновь отказал, они решили, что для них Кейн навсегда останется не более чем

деревенским могильщиком.

* * *

В пещерке, где Донал Дон ждал сеть, обитали дюжины семейств тупиков. Тупики любят разные расщелины. Там, где есть торф и земля, они устраивают норы, а там, где есть лишь голый камень, они гнездятся в расщелинах и трещинах. Двое птицеловов расправляют сеть у входа, а те, которые находятся внутри, разжигают посреди пещеры огонь. Выманенных на пляшущее пламя любопытных птиц можно оглушать ремнями, дубинками или голыми руками.

Без пламени, которое привлекло бы их, птиц пришлось выгонять мальчишкам, стуча куртками по стенкам пещеры. Кеннет, вооружённый широким ремнём мистера Дона, стоял в центре и дубасил им всё, до чего мог дотянуться.

В первый раз, когда он ударил Калума, это сочли за случайность. Но когда он попал Джону по бедру, а Мурдо – по спине, ухмылка на его лице ясно дала понять, что куда большее удовольствие он получает, лупя по мальчишкам, а не по птицам.

– Прекрати, Кеннет, – сказал Мурдо.

– Чего прекратить?

От тупиков им тоже доставалось – их несуразные клювы били крепко, как молотки, когда птицы вылетали из стен и врезались в птицеловов. Мужчины, стоявшие снаружи с сетью наготове, слыша их вопли, грешили на тупиков, так что Кеннетов террор продолжался до тех пор, пока сети не оказались так набиты, что птичьи тела заслонили весь проникающий в пещеру свет.

Кеннету втайне хотелось сбивать ангелов в полёте, ломать им крылья, скручивать их трубы, наказывая за то, что заставили его ждать. Когда дела у Кеннета шли скверно – он был разочарован, напуган или ему мешали – его переполнял неконтролируемый гнев. Если бы он, как глупыш, мог отрыгнуть его – может, это уменьшило бы его ярость. На деле задире приходилось довольствоваться тем, чтобы колошматить тупиков и детей.

Обычно никто ничего не рассказывал мистеру Фарриссу или мистеру Дону: не пристало мальчишкам ябедничать взрослым. Но Лаклан, должно быть, ненавидел Кеннета сильнее, чем остальные. Когда команда побрела по Стаку домой, подгоняемая задиристым ветром и нагруженная огромной округлившейся сетью, полной мёртвых тупиков, Лаклан ловко поравнялся с массивным грузным Кеннетом. Он указал на синяк от Кеннетова ремня на шее и состроил печальную гримасу.

– Как жалко. Теперь не попасть тебе в Рай, а, Кеннет? Таких, как ты, туда не пускают.

Все, кто услышал это, испугались за Лаклана, но Кеннет внезапно остановился, преграждая путь взбирающимся за ним следом, так что Доналу Дону пришлось велеть ему пошевеливаться. Лаклан был настолько меньше и младше него, что Кеннет, казалось, не мог понять, говорил ли мальчик серьёзно. А может, насмешка Лаклана уколола аккурат в какую-то болезненную часть Кеннетовой души.

* * *

Искать одиночества на Стаке не очень-то умно. Мальчишка, скрывшийся с глаз, может превратиться в пропавшего мальчишку, упавшего в море или застрявшего в расщелине с переломанными костями мальчишку или мальчишку, попавшего в ловушку скалы – ни подняться, ни спуститься без помощи. Младшие пареньки были не против сидеть в Хижине все вместе, как тупики на утёсе. Но у старших в головах бродили сложные мысли; мысли, которые нужно было как следует обдумать. Сам мистер Фаррисс скрывался куда-то на несколько часов в конце каждого дня, и Куилла постоянно отправляли сказать ему, что ужин будет «сейчас-или-никогда». Куилл находил его сидящим на какой-нибудь каменной площадке и глядящим на море в сторону Хирты. Чаще всего, услышав про еду, он просто пожимал плечами – ему было всё равно, ел он или нет. Фарриссу просто хотелось побыть в одиночестве.

Куилл понимал его чувства. Ему тоже этого хотелось: побыть в одиночестве и подумать о Мурдине Галлоуэй. Если Мурдо сказал правду, значит, Куилл неким образом взял её с собой на Стак. Всё, чем он владел, было вон там, дома, на Хирте – никогда уже не дотянуться. Но в голове у него всё же осталась Мурдина. И никто не мог её отнять.

Так что, когда Куилла в очередной раз послали за мистером Фарриссом, он не пошёл за ним, вместо этого отыскав себе ровное местечко, где можно было посидеть и дать отдых вечно ноющим коленям и бокам. Пара мгновений наедине с собой никому не повредит; полчаса наблюдений, как ужинают качурки. Птицы оставляли на волнах паутинистые отпечатки, ловя клювами из воздуха невидимую еду.

Потом он снова заметил бескрылую гагарку – ту же самую, что взбаламутила колонию олуш в первый день. Она стояла на месте, где они причалили, и прибор окутывал её лапы невесомой пеной.

– Он в любое время мог бы уплыть. Почему он остаётся? – спросил голос за его спиной.

Каким-то образом Куилл прошёл прямо мимо мистера Фаррисса и не заметил его. Он испытал скорее страх, чем облегчение, обнаружив, что мужчина лежит на боку, свернувшись в клубок, в какой-то каменной трещине. Кожа на его лице туго обтягивала череп. Он выдёргивал волоски с тыльной стороны пальцев, а руки у него тряслись. Даже не попытавшись подняться, он продолжил разглядывать стоящую на берегу гагарку.

– Почему он остаётся стоять? В воде он был бы свободен от этого огромного тела.

– Это неплохое место, мистер. Для птицы. Мне так кажется. Её родня тут живёт. Она считает это место домом. Мне так кажется.

Но мистер Фаррисс не мог вообразить, как кого-то могла устраивать жизнь на Стаке, даже гагарку.

– Нет, я наблюдал за ним. Он хочет броситься в море от отчаяния. Как Фернок Мор. Только смелости ему не хватает.

Куиллиам хорошо знал эту историю, но из вежливости подождал, пока учитель перескажет её.

– Мор был овцекрадом, знаешь? Его поймали и приговорили к изгнанию в худшее место, какое только есть в мире. Сюда. Его посадили в лодку и привезли сюда, и всю дорогу он клял везущих его людей и их матерей на чём свет стоит. Обещал исправиться. Клялся, что невиновен. Умолял сжалиться – отправить его в тюрьму на большой земле – на Боререй – куда угодно, только не на Воина! До того ужасной казалась ему такая участь, что из лодки его пришлось вытаскивать втроём. А когда его вытащили и лодка отправилась назад, Фернок Мор бросился в море и поплыл за ней следом. И плыл пока не утонул.

Куилл находил совершенно неправдоподобным, что стоящая на берегу, уставившись на свои большие лапы, огромная птица задумывала покончить с жизнью, утопившись: бескрылые гагарки плавают, как рыбы.

– Может, она свою пару потеряла, мистер, – сказал Куилл. – Может, она ждёт...

– Ага. Как мы, – перебил Фаррисс. – Ждёт. Того, что не случится.

Куилл подумал, что пора убираться, чтобы дать мужчине поплакать в одиночестве. Но гагарка вдруг начала охорашиваться, расправляя короткие крылышки и встряхиваясь, так что все пёрышки встопорщились. Она подняла голову и посмотрела прямо на него – разбойничья маска и клюв-дубинка. «Останься», – словно говорила она ему.

Так что Куилл попытался придумать что-то ободряющее.

– У него совесть-то совсем, наверно, нечиста была, у Фернока Мора этого. Вон сколько он делов натворил. Они, наверное, его и утащили ко дну – мысли обо всех овцах, которых он украл? – Он согнул ноги в коленях и, спотыкаясь, изобразил, как злодей передвигается, придавленный дюжиной овец, камнем лежащих у него на душе. (Что заставило его так сделать? Кто шутит, когда его учитель лежит под дождём, как перевёрнутый краб, ожидающий, что его сожрут чайки?) – А может, он и не прыгал вовсе! К нему явились призраки всех этих овец и сбросили его в море! А вот доброго сердца ему не хватало... Мать говорит, человек в любом месте будет счастлив, если у него доброе сердце и чистые уши.

Мистер Фаррисс невольно улыбнулся.

– Вот как? И во многих ли она жила местах?

– Только на Хирте. Но она всегда весёлая, и в переднике своём может прямо-таки чудеса творить. Даже у наших овец уши чистые.

– А сердца добрые?

– У овец добрая шерсть. Добрая шерсть и чистые уши.

Фаррисс сел. Оба наблюдали за неуклюжим охорашиванием хлопающей крыльями громадной гагарки и задавались вопросам, как гагаркам удаётся держать уши в чистоте. Фаррисс сомневался, что у гагарок вообще есть уши, так что Куилл присвистнул, чтобы это выяснить, и птица немедленно обернулась.

– Может, они помогают друг другу с охорашиванием и чисткой ушей, – предположил он, – поэтому и живут так кучно.

Фаррисс поглядел на него не совсем сфокусированным взглядом – его клонило в сон. Он так крепко кусал нижнюю губу, что она распухла и кровила. Оказалось, он ещё и по линии роста волос выдирает волоски, так что на лбу остался ряд маленьких белых дырочек.

– Я никак не могу помочь вам, мальчишкам, Куиллиам.

– Мы сами можем приглядывать друг за другом, мистер.

Фаррисс порывисто встал.

– У тебя есть сила духа, Куиллиам, – сказал он, не глядя на мальчика. – Когда на мужчин больше не будет надежды, ты понадобишься другим мальчишкам. – И он отправился назад, в Среднюю Хижину, и из складок его одежды сыпались, как яичная скорлупа, камешки.

Куилл за ним не пошёл. Он почему-то слез по щербистому склону к морю, чтобы разглядеть одинокую гагарку поближе. Какова вероятность, что это та же птица, что и раньше? На той стороне Стака или на Боререе могут быть сотни одинаковых птиц, стоящих плечом к плечу.

Может, гагарки до того гладкие и толстенные, что страх попросту соскальзывает с них. Или они рождаются глупыми. Птица не испугалась. Она просто бормотала что-то себе под клюв – прямо как наместник Владыки, когда является на Хирту собирать налоги: вечно бурчит еле слышно, что-то высчитывая, и записывает цифры в свой маленький журнал.

Куилл сказал:

– Привет, я Король Олуша. Помнишь меня?

Тихое бормотание продолжилось, птица раскачивалась из стороны в сторону, балансируя своим огромным весом на одной лапе поочередно.

– Не знаешь, миру и правда настал конец?

Гагарка широко расправила свои коротенькие, не способные летать крылья и захлопала ими. С них полетели брызги, в свете садящегося солнца напоминающие золотые семена. Её плоские лапы оставляли на берегу отпечатки, смываемые каждой новой волной. Она что-то бубнила, хрипло и ворчливо. Но через некоторое время этот звук начал напоминать гэльский язык с сильным акцентом обитателя большой земли. А перед мысленным взором Куилла предстала Мурдина Галлоуэй, оставляющая отпечатки босых белых ног на песке. Он даже мог слышать её пение:

«Вода так широка – не перебраться

И не взлететь – ведь крыльев нет».

Что-то случилось на Хирте. Конец света или нет, но никто не собирался забирать их со Стака. Люди приплыли бы, если бы могли, но они не могли. Никто не приплывёт... кроме разве что ангелов, и наступит Судный день. Куилл осознал, что он, как и Фернок Мор, внутренне молился о каком-нибудь другом исходе, беспрестанно надеясь на отмену приговора. Теперь правда накрыла его ледяной сокрушительной волной: никто не приплывёт. Их бросили на Стаке Воина – неважно почему. Корабли идут ко дну и все, кто был на них, тонут: такое постоянно случается. И, должно быть, каждый пассажир и матрос на этих кораблях надеется, до самого последнего момента, что какой-нибудь неожиданный поворот судьбы спасёт их.

Куилл хотел разделаться со слезами прежде, чем ему придётся вернуться в Хижину. Но песня по-прежнему крутилась у него в голове, мешая думать:

«Пошли мне плот, что двоих снесёт –

Мы уплывём за ветром вслед».

Так что он зажмурился и немедленно представил, как приближается к наделу своей семьи – клочку земли, где они выращивали пшеницу и овощи. Там, на свежевспаханной земле, стояла девушка и разбрасывала семена. Они разлетались из её ладони, как золотые капельки воды.

Мурдина?

Привет, Куиллиам.

Ты пойдёшь со мной, мисс Галлоуэй?

Возможно. Я люблю путешествовать. Куда ты собирался?

Кое-кто из наших отправляется на Стаки. Ловить глупышей и гуг. Если хочешь – поедем с нами? Пробрёшься в лодку тайком? Выберешься на берег и спрячешься, и мы сможем встречаться в тайне, а может, в Хижине найдётся уголок, куда никто не станет заглядывать, и ты сможешь укрыться там – никто и не узнает.

Мне бы хотелось этого, Куилл. У тебя есть сила духа. И очень кудрявые волосы. Ты наверняка станешь Королём Олушей, а король – достойная партия для любой...

* * *

К ноге Куилла прижалось что-то тяжёлое, и он в страхе резко распахнул глаза. Бескрылая гагарка, стосковавшаяся по своей паре или по огромной стае, опиралась на его голень, рассматривая своими разбойничьими глазами. Он

вытянул руку и погладил гагарку по спине.

И страх отступил. Иди если точнее... он отложил его. Как мёртвую птицу – оставит на потом.

* * *

Когда он вернулся в Хижину, ужина для него не осталось. Вместо этого «пастор» Кейн преподнёс ему краткую проповедь о том, как греховна медлительность. Мурдо тоже злился, потому что волновался из-за его опоздания: опоздавший мальчишка может быть мальчишкой, упавшим со скалы и убившимся. Мистер Фаррисс кидал тревожные взгляды в его сторону, будто сожалея, что так открылся перед обычным мальчишкой.

Но Куиллиаму не нужен был ни ужин, ни поучения, ни доверие мистера Фаррисса. Он свернулся в клубочек на своём месте и заглушил в голове все звуки, кроме пения:

«О никогда мне не пойти с моим любимым под венец,

Ведь в бурный шторм под рокот волн моей любви пришёл конец».

Куилл заглянул внутрь своего черепа, словно внутрь клейта, и обнаружил, что он да краёв полон грёз, которые помогут ему пережить надвигающиеся тяжкие времена. Скала, нависающая над ним, сделалась легче. И, несмотря на урчащий желудок, он уснул.

Исповеди

Каждый день кто-нибудь ещё полностью осознавал то же самое. В тот момент тревога превращалась в твёрдое знание: они остались одни. Никто не приплывёт. Однажды это произошло и с Джоном – круглым, живым, беспечным Джоном, который, казалось, никогда и не тревожился вовсе. Джон выбежал из Хижины и принялся звать: «Мама! Мамочка! Где ты?» Младшие, поддаваясь панике, присоединились к нему, и они кричали и кричали, пока Донал Дон не рывкнул на них, веля прекратить галдёж, а «пастор» запел псалом.

Раздражённые и пристыжённые, старшие мальчишки вышли и силой затащили младших внутрь и принялись трясти их и называть позором для отцов, но паника заразна, и старшие тоже нервничали, как нервничают овцы, когда пастух выпускает собак. Юан со своим сладким пронзительным голосом присоединился к пению Кейна, но это не помогло успокоить нарастающий прилив страха в пещере. Мистер Фаррисс отвернулся лицом к стене и накрыл уши ладонями.

Когда псалом наконец был допет и Куилла могли услышать, он подал голос:

– Кому рассказать историю?

«Пастор» Кейн явно оскорбился. Кеннет ощерился в ухмылке.

– Из Библии? – насторожённо поинтересовался Юан.

А Дейви просто придвинулся, чтобы сидеть прямо перед Куиллиамом. Позднее и остальные подползли поближе.

– Вы знаете, почему это место зовётся Стаком Воина? – Все уставились на Куилла пустыми глазами. «Пастор» Кейн начал фыркать и хмыкать, будто уж он-то знал, только не хотел утруждаться объяснениями.

– Потому что он походит на Воина? – смущённо спросил Найлл.

– Когда-то так и было, друг. Когда-то, когда море было суше и на нём были тропки, где виднелась земля, Королева Амазонок явилась сюда на своей колеснице из самой Ирландии.

И он увидел, как их панические мысли отшатываются от бездны и замирают, заворожённые знакомой мелодией истории.

– Прошёл слух о драконе – огромном огнедышащем драконе, живущем далеко в Северных странах, где все чудища сделаны из льда. Ну ей и пришлось пойти и сразиться с ним, потому что выбора другого нет, когда появляется кто-то навроде дракона. Но люди с Хирты спросили: «А как же мы? Что если на нас нападут феи – или пираты! – или волна нахлынет, выше небес, или ветром нас унесёт? Что если явятся киты, огромные, как остров Льюис?» Они были до смерти напуганы, уж поверьте (хотя обычно они были очень даже смелыми). Тогда Королева Амазонок велела сотне своих солдат, а то и больше, встать друг другу на плечи и, щёлкнув своим кнутом, превратила их в одного-единственного воина и приказала ему стоять в море и во что бы то ни стало беречь людей Хирты от любых напастей, пока её нет. И он стоял и стоял, а Королева укатила на своей золотой колеснице прочь. Он стоял и стоял, пока море не поднялось и не покрыло все сухие тропки. Он стоял и стоял, и ветер так сильно дул на него год за годом, что сорвал всю до клочка одежду с его тела. Хотя ему и было смертельно холодно с голой кожей, он продолжал стоять и стоять, несмотря на то что волны бились о него, а ветер трепал ему волосы, потому что в его груди пряталась отвага сотни мужчин. А все птицы, которые слишком устали, отяжелели от яиц или вовсе были бескрылыми – как бескрылая гагарка – устроили себе гнёзда в его подмышках, и в пупке, и в ноздрях, и по всему его телу – и это было хорошо, потому что так ему стало чуточку теплее. И по сей день он стоит здесь, потому что Королева велела ему за нами приглядывать.

Когда Куилл открыл глаза, первое лицо, которое он увидел, принадлежало уставившемуся на него Дейви. Второе было Коула Кейна, его испещрённые прожилками щёки и нос потемнели от ярости.

– Глянь-ка! Никак среди нас язычник завёлся?

– Это просто история, – сказал Куилл.

Все младшие мальчишки оглядывали крышу и стены Хижины, будто слясь понять, в какой именно складке на теле Воина укрылись они.

– Никто не поможет нам, кроме Господа Бога! – протрубил Кейн своим особым «пасторским» голосом.

– Я ничего не...

– Мальчик ничего дурного не имел в виду, – сказал мистер Фаррисс из своего угла, куда не доставал свет свечей.

– Приготовить тебе яйцо, Коул? – спросил Донал Дон, пытаясь сменить тему.

Но в самопровозглашённом пасторе слишком уж кипело негодование, чтобы наслаждаться ужином из варёных яиц.

– Неудивительно, что этот нахал осквернил Божий алтарь!

Все ахнули. После секундного замешательства Мурдо всё понял и принялся объяснять, что птицеловную сеть нужно было вытащить из клейта, прежде чем превращать его в алтарь. Однако он умолк, увидев, как Юан торжественно кивает головой, подтверждая, что клейт-алтарь и впрямь был поруган Куиллом и Мурдо, а его цветочки разлетелись на все четыре стороны.

– Именем Господа я запрещаю всем разговаривать с этим язычником ровно неделю, – провозгласил Кейн, – чтобы его грязные речи не оскорбляли ваших ушей!

Кружок слушателей послушно отодвинулся от Куилла и расползся по спальным местам. Пусть так – зато теперь они могли укутаться в историю и чуточку согреться. Стак был не просто глыбой камня, но гигантским стражем, спрятавшим их в карман для сохранности.

А мистер Дон и мистер Фаррисс подчёркнуто пожелали Куиллу спокойной ночи.

* * *

Когда «пастор» Кейн объявил, что работать в день отдохновения – грех, никто из мальчишек не стал возражать. Они до смерти устали лазать, непрерывно лазать и только мечтать о том, чтобы ночью поспать в уютном месте. У каждого накопилось множество синяков, ссадин и вывихов. Страх тоже выматывал: страх и неизвестность.

Но мистера Дона предложение растратить воскресенье впустую привело в ужас. Лето ускользало неумолимо, как отлив. Вместе с ним кончатся и птицы. Хотя птицеловы и наловили и ощипали уже целую гору птиц, Дон считал, что их никогда не будет достаточно. Как скряга, откладывающий на старость, он мог думать лишь о том, чтобы сделать припасы на тёмные и полные неизвестности грядущие дни. И о том, чтобы мальчишки не сидели без дела.

Мистер Фаррисс поддержал его:

– Надо заранее думать, чем будем набивать животы зимой. Лучше сейчас работать, чем потом сидеть и зубами щёлкать.

– Единственная цель жизни – это думы о Господе, – нараспев заявил Кейн, поднимая и опуская голос, словно собираясь положить свои слова на музыку.

Фаррисса это не впечатлило.

– Скажи-ка на милость, а кто решает, когда у нас воскресенье? Я и месяца нынешнего не вспомню, не то что дня недели.

– Я скажу тебе – оно сегодня, ибо Святой Дух просвещает меня, – с поразительным высокомерием заявил Кейн. – В душе я всегда знаю, когда наступает день вдохновения, как и любой праведный христианин.

Гораздо больше, чем оскорбительный намёк, Фаррисса раздосадовала глупость Кейновой идеи. Как и Донала Дона. На Хирте он был искусным мастером: своими большими сильными руками он мог и стену из камня возвести, и ложки из плавника вырезать, и телогрейку из шерсти своих овец связать.

– Мы должны древесину искать, – прорычал он, – а не сидеть тут на задницах. Бог помогает тем, кто хочет помочь себе. Если бы мы могли построить плот, чтобы доплыть до Боререя...

В деревенском Парламенте голоса Фаррисса и Дона перевесили бы голос Коула Кейна. Но здесь, на Стаке, Кейн заключил несокрушимый союз – с Богом, и со Страхом, и с Усталостью. В полупропетой, полупроблеянной проповеди он остерёг мальчишек, что если те осмелятся преступить Святой Закон и станут

работать в воскресенье, то когда Господь Бог отправит на Стак Воина своих ангелов – их с собой не возьмут.

– В глазах Господа мы не более чем грязь! Подумайте о своих грехах и покайтесь! – прогремел он перед тем, как лечь спать. Это была не та колыбельная, которую кому-то хотелось бы услышать перед сном, но Кейну эхо собственного голоса, раскатившееся по Хижине, явно доставило наслаждение.

* * *

Куиллиам с облегчением обнаружил, что никто не послушался Кейнова запрета с ним разговаривать. Старшие не вполне могли смириться с переменой «Кейна-могильщика» на «пастора-Кейна-которого-нужно-слушаться». Младшие попросту забывали: когда мысль приходила им в голову, она вылетала у них изо рта прежде, чем они успевали её поймать.

– Что делают люди в Раю, Куилл? – спросил Дейви на следующий день.

– То же, что и мы, наверное, только без верёвок. – И Куилл описал, как ангелы взбираются на облачные пики, собирают птицу и просовывают птичьи головы под золотые шнуры, которыми обвязывают талии, пока не наберут целую уйму гуг, скоп и белых лебедей.

Но облака над их головами напоминали синяки – чёрные, коричневые и фиолетовые от едва сдерживаемого дождя. Море бурлило и вздымалось. У входа в Хижину возвели стену из составленных друг на друга, чтобы не дать ветру пробраться внутрь, камней. На следующий день поднялся шквал, следом за ним второй и ещё один. Огонь, зажжённый чтобы привлечь ангелов, оказался бы потушен, если бы его не погасили давным-давно: топливо было слишком ценно. По крайней мере пламя в Средней Хижине им поддерживать удавалось: поскольку пастор Кейн любил поесть горячего, он щедро разрешал пользоваться трутницей во время трапез. Сквозняки с улицы совали носы в пар, поднимающийся от котелка – того, что одолжила мать Дейви в обмен на четыре яйца и трёх птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фатом – мера длины, равная 1,8288 метра (Примеч. перев.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/makkorin_dzheral-din/gde-konchaetsya-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)